

Отрывок из книги «Детство, которого не было...»

**Ленинград, улица Марата,
дом 84, квартира 9:
1946 –1951**

*«Мир вырос из войны – нищий, бедный,
почти такой же трудный, как война».*

Василий Гроссман, «Жизнь и судьба»

Дом номер 84 на углу улиц Марата и Звенигородской, в который мы переехали в 1946 году, был знаменит не только жившими здесь когда-то выдающимися деятелями русской культуры, но и своим уникальным расположением – это был дом, в свое время единственный, «с окнами на Семеновский плац», и в XIX веке его жители могли наблюдать из своих окон некоторые ключевые события российской истории.

Во времена нашего переезда Семеновский плац фактически не существовал, а на его месте были послевоенные развалины бывшего ипподрома и свалки, тянувшиеся почти до самого Витебского вокзала. Мне вспоминается, что мы – местные мальчишки – никогда не заходили дальше короткого аппендикса улицы Марата за Звенигородской. Единственное, что осталось от бывшего здесь когда-то большого военного городка, это два длиннющих двухэтажных казарменных здания, протянувшихся вдоль всей нечетной стороны Звенигородской улицы, называвшейся когда-то 7-й линией (ротой) Семеновского полка, – дома под номерами 81 и 86 по улице Марата.

Сохранившийся до сих пор двухэтажный дом 81 на углу Марата и Звенигородской очень старый, он строился еще во времена Павла I в качестве казармы для лейб-гвардии Егерского полка. В мои годы, насколько помню, там всегда располагалась воинская часть с охраняемой вахтой в аппендиксе улицы Марата.

В доме 86, прямо напротив нашего дома со стороны Звенигородской улицы, когда-то находился фуражный двор Семеновского полка, переданный затем под казармы лейб-гвардии Жандармского дивизиона. В советские времена здесь тоже были казармы, а в конце 1970-х годов расположилась очень известная Школа конного спорта. В 1990-е годы в здании произошел пожар – поговаривали, что его подожгли нарочно, чтобы освободить это замечательное место для коммерческого центра. Сплетники как в воду глядели – в 2006 году по этому адресу был открыт огромный торгово-

развлекательный комплекс «Планета Нептун» с первым в России океанариумом.

В конце 1950-х годов, когда мы еще жили здесь, улица Марата была продлена до Подъездного переулка, остатки территории Семеновского плаца были расчищены, и в конце улицы появились два новых дома – дом № 92, открывающий въезд на Марата со стороны Подъездного переулка, и огромный пятиэтажный дом № 90, стоящий к улице торцом. В 1970-е годы в доме № 90 разместилось секретное предприятие, о назначении которого жители района вряд ли могли даже догадываться. Сейчас всем известно, что это – Центральное конструкторское бюро морской техники «Рубин», по проектам которого построены едва ли не все российские подводные лодки, в том числе атомные, с начала XX века и до наших дней. В 1962 году в этом районе, на нечетной стороне улицы Марата был построен современный по архитектуре Санкт-Петербургский театр юных зрителей имени А.А. Брянцева, а вокруг разбита Пионерская площадь с памятником Александру Грибоедову.

Нынешняя Пионерская площадь с прилегающими скверами – это все, что осталось от бывшего огромного Семеновского плаца.

Наш рассказ о доме № 84 и его обитателях был бы неполным без хотя бы нескольких слов об истории Семеновского плаца.

Образовавшийся в этом районе на стыке XVIII и XIX веков Семеновский плац был действительно огромным – его границы проходили по нынешним Звенигородской улице, Загородному проспекту и набережным Обводного и Введенского каналов. В первой четверти XIX века плац использовался для военных тренировок и парадов гвардейских войск с участием императора Александра I. Со строительством первой российской железной дороги между столицей и Царским селом территория плаца начала сокращаться. Здесь по-прежнему маршировали полки, но со времен Николая I появилось еще одно предназначение плаца – экзекуция политических преступников. Для многих петербуржцев из простого люда казнь преступников была бесплатным развлечением – вокруг места казни размещали скамейки, табуретки и ящики для удобства публики, лучшие места продавались и покупались, как в театре. Последней казнью на Семеновском плацу было повешение народовольцев – убийц императора Александра II, что случилось 3 апреля 1881 года.

В конце XIX века на Семеновском плацу по проекту архитектора Леонтия Бенуа построили ипподром с обширными трибунами и красивыми шатровыми башнями. По воскресеньям здесь устраивались бега с

тотализатором. Они, кстати, красочно описаны в рассказе «Изумруд» Александром Куприным – постоянным посетителем и страстным игроком Семеновского ипподрома. На ипподроме устраивались и другие, неконные соревнования, например, состязания велосипедистов. Примечательно – именно здесь в 1893 году состоялся первый в Петербурге футбольный матч. Начиная с 1898 года все основные петербургские народные гулянья проводились на Семеновском плацу – здесь размещались многочисленные оркестры, балаганы, карусели, ларьки с игрушками, сладостями и горячими блинами...

В начале XX века территорию Семеновского плаца потеснили многочисленные новые постройки по всему его периметру, но работа ипподрома и «пролетарские народные гулянья» продолжались и в советское время вплоть до Великой Отечественной войны. Во время блокады Ленинграда ипподром был полностью разрушен, и до конца 1950-х годов вся эта территория представляла собой необрушенные руины бывшего Семеновского плаца.

Въехав летом 1946 года в две убогие полутемные комнаты огромной коммунальной квартиры № 9 на последнем этаже дома № 84, мы – не только я, но и мои достаточно образованные родители – не предполагали, что в этом доме до нас жили или гостили многие выдающиеся люди, составившие славу русской культуры: Давыдов, Савина, Розанов, Полонский, Достоевский, Тургенев, Репин, Григорович, Айвазовский, Рубинштейн...

Прославленные актеры Императорского Александринского театра Владимир Давыдов и Мария Савина жили в доме на углу Николаевской и Звенигородской улиц в 1880-е годы.

Мария Савина занимала угловую квартиру с балконом на третьем этаже – и сейчас можно с улицы увидеть этот балкон. Знаменитую красавицу окружала толпа поклонников, о которых она писала (здесь и далее в этом разделе цитирую по книге Д. Шериха):

«После спектакля (в котором они все, конечно, присутствовали) я, усталая, окруженная цветами, трофеями недавнего успеха, усаживала их всех в турецкой комнате, сама взбиралась с ногами на огромный диван и с чашкой моего чая в руках принималась их “изводить”... Поклонники прозвали меня царицей Тамарой, с той только разницей, что я вместо Терека выбрасывала их тела на Семеновский плац...»

Утром 3 апреля 1881 года актриса наблюдала со своего знаменитого балкона смертную процессию народовольцев – Желябова, Перовскую, Кибальчича, Рысакова и Михайлова, которых везли по Николаевской улице в телегах с табличками на груди «Цареубийца» для повешения на Семеновском плацу. Адвокат Николай Карабчевсий так описывал со слов актрисы ее впечатление:

«Знаменитая артистка М.Г. Савина, жившая в то время в конце Николаевской улицы, видела со своего балкона весь печальный кортеж. Она утверждала, что кроме Рысакова лица остальных, влекомых на казнь, были светлее и радостнее лиц, их окружавших. Софья Перовская зарделась и просто сияла своим кругловатым, детским в веснушках лицом на фоне мрачной процессии».

Видела ли Савина со своего балкона лица народовольцев во время казни на Семеновском плацу? Видела ли она лицо Александра Михайлова, повешенного только с третьей попытки?

В 1870-годы в только что перестроенном доме № 84 жил известный, очень популярный в то время поэт Яков Петрович Полонский. Этот поэт сочинил тексты замечательных романсов, которые стали «народными» – вспоминается песня цыганки «Мой костер в тумане светит», которую целый век пела вся Россия. Даже в 1960-годы и позже мы пели «Мой костер...» в туристских походах под гитару у ночного костра...

Полонский устраивал в своей квартире знаменитые «литературные пятницы», где собирался воистину цвет петербургской творческой интеллигенции – писатели Федор Достоевский, Иван Тургенев, Дмитрий Григорович и Всеволод Соловьев, художники Илья Репин и Иван Айвазовский, пианист и композитор Антон Рубинштейн... Вот как описывала свое впечатление об одной из «пятниц» писательница Екатерина Леткова-Султанова:

«Жили тогда Полонские на углу Николаевской и Звенигородской, окнами на Семеновский плац. В прихожей меня поразило количество шуб, висевших на вешалке и лежавших горой на сундуке, обилие галош и шапок...

Яков Петрович... по-дружески взял меня под локоть, провел через пустую залу с накрытым чайным столом и пропустил во вторую комнату (обратите внимание на размер квартиры – Ю.О.). Здесь у среднего из трех окон стоял кто-то, а вокруг него сплошной стеной толпились мужчины и

нарядные женщины, старые и молодые, – и молча слушали. В первую минуту я могла только расслышать глухой, взволнованный голос:

– Холодно!... Ужасно холодно было!! Это самое главное. Ведь с нас сняли не только шинели, но и сюртуки... А мороз был двадцать градусов...

И вдруг, в промежутке между стоявшими передо мной людьми, я увидела сероватое лицо, сероватую жидкую бороду, недоверчивый, запуганный взгляд и сжатые, точно от зябкости плечи.

Да ведь это Достоевский! – чуть не крикнула я и стала пробираться поближе».

Да, действительно, этот уголок Петербурга в конце улицы Марата был мистическим образом связан с трагической жизнью великого писателя.

Утром 22 декабря 1849 года 28-летний Федор Достоевский без шинели и сюртука стоял здесь, на Семеновском плацу, на декабрьском морозе, дожидаясь своей очереди на казнь... Он был одним из 21-го участника кружка Буташевича-Петрашевского, приговоренных к расстрелу за антиправительственные беседы. После чтения приговора палачи переломили шпаги над головами осужденных дворян, привезли на телегах гробы, и бесчеловечная имитация казни пошла к финалу – первых трех приговоренных привязали к расстрельным столбам..., но в этот момент к месту жестокого спектакля подъехала карета, и флигель-адъютант объявил о замене смертной казни каторгой...

Вернувшись с каторги и радикально изменив свои взгляды на самодержавие, Достоевский посещает квартиру Полонского, чтобы взглянуть из ее окна на лобное место Семеновского плаца, на место величайшего потрясения своей жизни, приходит сюда, чтобы рассказать об этом потрясении абсолютно посторонним людям...

22 февраля 1880 года 59-летний Достоевский на вершине своей литературной славы снова приходит на лобное место Семеновского плаца – теперь для того, чтобы самому посмотреть на казнь Ипполита Млодецкого, приговоренного к повешению за неудавшуюся попытку убийства графа Лорис-Меликова. Знакомый писателя, великий князь Константин записал в дневнике:

«Достоевский ходил смотреть казнь Млодецкого, мне это не понравилось, мне было бы отвратительно сделаться свидетелем такого бесчеловечного дела, но он объяснил мне, что его занимало все, что касается человека, все положения его жизни, радости и муки. Наконец, может быть, ему хотелось мысленно пережить собственные впечатления? Млодецкий озирался по сторонам и казался равнодушным, Федор Михайлович объяснил

это тем, что в такие минуты человек старается отогнать мысль о смерти, ему припоминаются большей частью отрадные картины...»

Пожалуй, самым знаменитым из постоянных жильцов дома № 84 был писатель-философ Василий Розанов, снимавший квартиру № 23 со стороны Звенигородской улицы.

По замечанию историка Дмитрия Шериха, удивительная нить судьбы проходит через дом на углу Николаевской и Звенигородской, связывая Федора Достоевского, посещавшего этот дом во второй половине 1870-х годов, с Василием Розановым, жившем здесь с гражданской женой и дочерьми в 1910-е годы. Эта незримая нить содержала несколько составляющих, но главная из них – это, конечно, яркая, порывистая, своевольная, авантюрная и эгоистичная красавица Аполлиария Сулова, которая сначала была любовницей Достоевского, а потом стала женой Розанова. Страстная любовь 40-летнего Достоевского к 22-летней студентке, их мучительный роман, доводивший писателя до ненависти к ней, хорошо известны из литературы. Критики находят черты Аполлиарии во всех главных женских образах его зрелого творчества – и в Полине из «Игрока», и в Настасье Филиповне из «Идиота», и в Катерине и Грушеньке из «Братьев Карамазовых». Роман Достоевского и Суловой закончился, как известно, ее отказом выйти за него замуж. В истории с Розановым все происходило с точностью до наоборот – Аполлиария женила на себе 24-летнего студента, когда ей было уже 40 лет. Розанов знал, что его жена была любовницей Достоевского, которого он боготворил, и это придавало его страсти мучительно-сладостную окраску... Аполлиария терпела своего молодого мужа 6 лет, а затем бросила его, не отказав себе в удовольствии помучить – садистка не давала Розанову развод, вследствие чего он впоследствии жил в незаконном браке и имел незаконнорожденных детей...

Василий Розанов получил в наследство от Федора Достоевского не только Аполлиарию Сулову, но и антисемитские взгляды. Наш современник Александр Яковлев с высоты опыта XX века писал в книге «Сумерки» о заблуждениях тех, кто «доверился некоторым странным (антисемитским – Ю.О.) суждениям Достоевского и попал под влияние гаденькой моды начала века – антисемитизма». Розанов не просто доверился Достоевскому, но был активным соиздателем и проводником той «гаденькой моды». В упоминавшейся уже мистической нити, которая связывала Достоевского с Розановым, можно проследить эволюцию российского антисемитизма от обвинения евреев в экономических преступлениях до приписывания им ритуальных убийств «христианских младенцев». Юдофобство Достоевского носило природный характер, исходило, как

говорится, изнутри и не нуждалось в теоретических обоснованиях, а более позднее юдофобство Розанова строилось на квазинаучной, «философской» основе и сопровождалось всевозможными нравственно-идеологическими подпорками. Эпитет «гаденький» очень подходит к розановскому антисемитизму. Любопытно, что антисемитизм Достоевского, широко использованный, между прочим, нацистами в их антисоветской пропаганде во время Великой Отечественной войны, как правило, стыдливо замалчивался и не ставился ему в вину даже либерально-демократическими кругами, а антисемитизм Розанова, напротив, выпячивался и всегда служил поводом для обвинений против него и со стороны революционеров, и со стороны либеральных демократов.

Василий Розанов жил в доме на углу Николаевской и Звенигородской в тяжелое для него время – время духовного кризиса, кризиса его религиозных исканий, да и семейные проблемы измучили его. Тем не менее именно здесь он написал свои поздние книги «Уединенное», «Смертное» и «Опавшие листья». Розанов умер в городе Сергиев Посад под Москвой в 1919 году в полной отверженности, на год пережив свою до гроба любимую Аполлинарию. Перед смертью он голодал и открыто нищенствовал, униженно просил своих читателей помочь ему «съестными припасами».

Вот в такой знаменитый дом въехали мы вчетвером – мама, папа, няня-домработница и я – летом 1946 года.

В путеводителе Д. Шериха по улице Марата сказано, что дом этот построен в 1871–1874 годах, что при строительстве в него были включены существовавшие здесь на тот момент здания и что строил его Ю.О. Дютель. Дом под номером 84, на самом деле, включает несколько совершенно разных домов – собственно угловой 5-этажный дом и примыкающие к нему с Марата и со Звенигородской 4-этажные флигели. Посередине 4-этажной части со стороны Марата есть арка с низким проходом-проездом в общий для всего дома двор, что хорошо видно с противоположной стороны улицы. Если посмотреть на дом № 84 со спутника, что сейчас доступно всем по Интернету, то он предстает в виде большого квадрата с типичным петербургским двором-колодцем внутри. Диву даешься – как можно было построить такое безликое здание в столь видном месте Санкт-Петербурга, с окнами на Семеновский плац... Объяснить это бездарностью строителя никак нельзя – известный архитектор Юлий Осипович Дютель построил в Петербурге 16 великолепных зданий, например, изысканный доходный дом в стиле эклектики на углу Литейного проспекта и улицы Пестеля. Подозреваю, что Юлий Дютель, на самом деле, проектировал только часть дома номер 84

со стороны Звенигородской улицы – красивый корпус номер 18 по Звенигородской с двумя огромными окнами над балконами по бокам, а угловая невыразительная часть дома была просто включена в общий план... Впрочем, даже в безликой угловой части дома, особенно на втором, третьем и четвертом этажах, располагались до революции прекрасные квартиры с большими комнатами по три окна, с высокими потолками, с просторными кухнями и ванными... При советской власти, в двадцатые и тридцатые годы, все эти «барские» квартиры были варварски поделены перегородками, «уплотнены» пятью-шестью семьями и превращены в коммунальные общаги с огромным народонаселением – отныне бывшим «барским» туалетом и кухней пользовались 20–30 человек, а ванная комната превратилась в склад старого хлама. За время советских пятилеток, войны и Блокады все это социалистическое коммунальное жилье частично было разрушено, частично само развалилось без ремонта и хозяйского глаза, было разграблено вселившимися в него «шариковыми» и «швондерами» и вконец обветшало...

Если смотреть на наш дом с противоположной стороны улицы Марата, то первая от угла Звенигородской дверь была нашим «парадным», как тогда говорили, то есть входом на лестницу. Поднявшись по темноватой и обшарпанной лестнице на пятый, последний этаж – лифта, конечно, не было – мы попадали на площадку, тускло освещенную сверху всегда грязноватым стеклянным куполом. Справа от входа в огромную коммунальную квартиру, наверху, почти под стеклянным куполом, было небольшое оконце из нашей полутемной комнаты, где спали родители и я. Из этого оконца мы всегда могли полюбопытствовать, кто идет в квартиру. Я же впоследствии использовал это окно, как наблюдательный пункт, высматривал отсюда девушек, приходивших ко мне в отсутствие родителей – девушку следовало встретить и быстро проводить по коридорам через всю квартиру, избегая по возможности соседского любопытства...

Квартира № 9 занимала почти весь пятый этаж дома – восемь окон вдоль улицы Марата, и часть шестого этажа с четырьмя окнами во двор. Пройдя входную дверь с 6-ю звонками по числу проживавших в квартире семей, вы попадали в узкий, темный, длинный коридор – вдоль него слева располагались 4 комнаты на 4 семьи.

Коридор заканчивался туалетом для всего народонаселения квартиры. Туалет включал три предмета: унитаза, сливной бачок и гвоздь. На гвоздь накальвались нарезанные газеты, надеюсь, понятно для чего...

Перед туалетом просматривался проход направо с резким поворотом на кругую и скрипучую деревянную лестницу – она вела на второй этаж

квартиры, совпадавший с шестым, фактически чердачным, этажом дома. Здесь наверху, за деревянной низкой загородкой, отделявшей комнаты от лестницы, располагались наши «апартаменты», комната соседей и общая для всей квартиры кухня.

На кухне размещались 6 столов по числу семей, две газовые плиты для готовки пищи и подогрева воды и раковина с холодной водой. Примыкавшая к кухне бывшая ванная была разрушена и использовалась для хранения ненужного барахла – помню, что в ней всегда было грязно и затхло.

Еще в кухне была дверь на черную лестницу, которая вела во двор и изредка, в основном зимой, использовалась для доставки дров. Наша «черная лестница», я думаю, была уникальной даже в насыщенном трущобами послеблокадном Ленинграде. Ни в одном неореалистическом фильме, педалировавшем трущобную тематику, я не видел ничего подобного. Сколько себя помню, лестница была завалена никогда не убиравшимися остатками отвалившейся штукатурки, кирпичей и битого стекла. Перила лестницы были частично разрушены, а некоторые ступени развалились настолько, что через них был виден предыдущий пролет лестницы – остается загадкой, как никто не покалечился на ней. Этот узкий, запущенный, полуразрушенный и зловонный спуск во двор, провонявший грязью и кошачьей мочой, тускло освещался несколькими полузабитыми оконцами. Пренебрегая опасностью и преодолевая отвращение, я иногда затаскивал по этой лестнице вязанки дров со двора – в противном случае нужно было тащиться со двора через всю улицу.

В нашей едва пригодной для жизни коммуналке жили, тем не менее, замечательные люди, и я до сих пор сохранил о них добрую память. Поразительно – несмотря на тяжелый послевоенный быт, включая постоянное толкание задами на общей кухне и очереди к единственной раковине и единственному унитазу, в квартире не было каких-либо серьезных ссор, разногласий или склок. Все вопросы решались почти безконфликтно – поочередное дежурство и мытье полов в местах, как говорили, общего пользования, распределение оплаты за электричество и газ (счетчики были общие), мелкий ремонт, хранение запасенных на зиму дров, и многое-многое другое... Это поразительно еще и потому, что здесь жили люди разного культурно-образовательного уровня, разного служебного положения, разных национальностей – три русские и три еврейские семьи. За все годы совместного проживания я не помню ни одного антисемитского или ксенофобского высказывания в нашей большой квартире... Размышляя над этим феноменом взаимной толерантности столь разных людей, прихожу к выводу, что у них было мощное объединительное начало – все только что

пережили тяжелейшую войну, все одинаково испытывали на себе тяготы послевоенной разрухи, всем хотелось надеяться на лучшую жизнь...

Юрий Окунев
2010